

Ирина Николаева

АЙУНАР:
КЛЕЙМО ОГНЯ

18+

Миры Айунара

Ирина Николаева

Айунар: Клеймо огня

«Автор»

2026

Николаева И.

Айунар: Клеймо огня / И. Николаева — «Автор», 2026 — (Миры Айунара)

ТРЕТЬЯ КНИГА ЦИКЛА МИРЫ АЙУНАРА. Яровиль Раджар, Огненный Лорд, получил в своё подчинение самое проблемное оружие — демонессу Эллию. Её магия хаотична, характер — взрывоопасен, а прошлое покрыто шрамами и пеплом. Его задача — выковать из неё солдата. Её цель — не сломаться. Но враги связали их не цепью, а зависимостью, опаснее любых оков. Теперь, чтобы выжить, она вынуждена просить его о близости каждый день. А он — принимать её, скрывая, что сам давно пылает. Это война. Где поле битвы — их тела, а главное оружие — та самая искра, что может спасти или испепелить всё дотла. Им предстоит пройти через унижение, гнев и вынужденную близость, чтобы найти в этом аду новую силу.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Николаева

Айунар: Клеймо огня

Пролог

— Зависимость? — повторил он. — От меня?

— От тебя, — она подняла на него глаза, и в её взгляде бушевала ненависть — к нему, к себе, к миру. — Мне будет нужна... близость. С тобой. Регулярно. Иначе мой огонь сожрёт меня изнутри.

— Каждый день? — уточнил он.

— Да.

— А если... я откажусь? — задал он вопрос тихо...

Глава 1

Воздух Расстожара был не просто тёплым — он был густым, обжигающе сухим, пахнувшим серой, пеплом и расплавленным камнем. Скалы вокруг заставы были не просто серыми, а многослойными, как кровавый пирог: чёрный базальт, ржавые прослойки железа, багровые наплывы остывшей лавы. Над всем этим, затягивая горизонт плотной, маслянистой пеленой, висела вечная дымка из кратера спящего, но не угасшего гиганта — вулкана Файржара.

Крутые, обсидианово-чёрные крыши домов лепились ярусами к склонам, а над крепостью Раджаров колыхалось марево раскалённого воздуха, искажавшего свет двух спутников — золотого Суола и серебряного Айура, что плыли в синем небе, подпитывая мир силой Земли и Воздуха. Файра, покровительница этих земель, алела с другой стороны, по соседству с Аквадом.

Эллия, стоя на краю посадочной платформы, вглядывалась в эту дымку, но не находила в ней красоты — только предвестие новых испытаний.

— Эй, проходим! Иди, не мешайся! — крикнул один из грузчиков, таскавший ящики, толкнув ее в спину.

Эллия оскалилась, давая ему мельком увидеть чуть более острые, чем у людей, клыки, и сверкнула ставшими на миг алыми глазами. Мужик испуганно отпрянул. Слабое, но единственное за сегодня удовольствие. Её чёрный хвост с острым металлическим набалдашником на конце резко дёрнулся, чуть не зацепив мешки сбоку.

Она, покачивая бедрами, гордо задрал нос, продефилировала с платформы. Воздух здесь был густым, обжигающе сухим. Он колот лёгкие, отвыкшие от такого чистилища. Она инстинктивно попыталась сделать глубокий вдох, но вместо свежести ощутила лишь разгорячённую пыль и едкий шлейф вулканических газов. Она родом из Мирона, из мира высохших лесов, горячих ветров и огненных рек. От того мира остался только суффикс в её имени да жгучая, пустая тяжесть между лопатками, где под тканью рубахи скрывалась изуродованная шрамами кожа — горькая память и клеймо позора и предательства на месте отрезанных крыльев. Крылья, которые её же родная сестра отняла, променяв родную кровь на любовь желтоглазого. Все тогда думали, что Эллия умерла... А она — вот она, выжила, воскресла и ищет в этом мире свою новую дорогу и судьбу. Даже подруг нашла, верных, смелых, правда одна из них решила скоростижно умереть снова. Героиня-самоубийца, блин.

— Эллия Айн-Миронэ? — низкий хриплый голос прозвучал прямо перед ней, отвлекая от нахлынувших горьких воспоминаний.

Она подняла голову.

Перед ней стоял Он. Во всей своей огненной красе.

Яровиль Раджар. Огненный лорд. Высокий, широкоплечий, закованный в практичную, но качественную кирасу с чеканкой в виде языков пламени. Его телосложение выдавало в нём не просто воина, а гиганта, привыкшего носить тяжесть доспехов и ответственности с одинаковой лёгкостью. Рыжие волосы, длинные, до плеч, и, как она позже узнает, почти огненные в свете Файры, непокорно вились. Лицо — не красивое, а сильное, с маленьким шрамом через бровь и пронзительными глазами цвета расплавленной меди. От него исходило тепло — не агрессивное, а плотное, как от добротной растопленной печи, тепло жизненной силы и уверенности, которая бесила Эллию ещё больше.

— Я, — буркнула демонесса, не опуская взгляда. Её зелёные глаза, чарующие и опасные, встретились с его взглядом.

Её смуглая кожа покрылась лёгкой испариной от жары, но внутри горел иной, куда более яростный огонь. Чёрные волосы, собранные в жёсткий хвост, колыхались на горячем ветру.

Она чувствовала, как под тонкой кожей на лбу ноют небольшие, острые рожки — верный признак её нарастающей ярости.

— Меня поставили в известность о твоём... переводе, — произнёс он, делая ударение на слове, давая понять, что сам он никого не просил. — Твои навыки управления огнём, проявленные в лагере, сочли «потенциально полезными» для гарнизона Расстожара. Здесь ценят силу, даже дикую. Но здесь же её и обуздывают. Я — твой непосредственный командир и наставник. Мои приказы выполняются безоговорочно и без промедления. Обмундирование, пропуска, распорядок дня — получишь у сержанта Гарона в казарме. Вопросы?

Вопросов было море. Но она смотрела в эти медные глаза и видела в них ту же усталость от системы, что и у неё, только прикрытую грубой дисциплиной. Он не враг. Он — досадная необходимость на ее новом пути. Или скала, о которую она обломает когти. Она сама попросилась сюда, в пограничную стражу Расстожара, туда, где пахнет настоящим делом. А он встретил её как «ценный актив», переданный под командование. Её новый шанс обернулся клеткой с надзирателем.

— Никаких, лорд Раджар, — выдохнула она, вкладывая в титул всю возможную язвительность.

Его глаз дёрнулся. Едва заметно. О, он заметил.

— Ещё раз для особо одарённых демонесс, — его голос был низким, с хрипловатой металлической ноткой, привыкшей перекрывать гул кузниц. — Твоё прошение о переводе одобрено. Не без моего участия. Но это не делает тебя тут вольной своенравной птицей. Ты здесь под моим началом. Для адаптации и применения. Моя земля, мои правила.

— Ценный актив? Под начало? — Эллия фыркнула, и чёрный, гибкий хвост с кисточкой на конце дёрнулся у её ноги, как раздражённая кошка. — Я — воин клана Айн-Миронэ! Я прошла через предательство сестры и смерть, и теперь я здесь добровольно, чтобы рвать врагов, а не отбывать уроки этикета у «огненного психопата»! Ослабь свою опеку, рыжий!

Яровиль медленно шагнул к ней. Его лицо, обветренное и жёсткое, с яркими, горящими глазами цвета расплавленной меди, выражало не гнев, а скорее усталое раздражение мастера, которому подсунули неотёсанный, но перспективный алмаз. Искра милосердия под напускной суровостью была надёжно скрыта за стеной долга.

— Без моей «опеки», демонесса, — он произнёс слово с преувеличенной чёткостью, — ты взорвёшь половину казарм от одной истерики, не достигнув даже тренировочного плаца. Я видел как ты сейчас вспыхнула от одного толчка. Твоя магия — это вырвавшийся на волю лесной пожар. Красиво, смертоносно и абсолютно бесполезно в строю. Здесь мы действуем сообща. Одиночки здесь долго не живут. Или сгорают, причинив немалый ущерб. — Он жестом, полным грубой силы, указал в сторону цитадели, откуда сквозь вечный гул доносились ритмичные удары молотов о раскалённый металл, крики командиров, ровный гул работающих печей. Это был звук дисциплинированной, обузданной ярости, превращённой в оружие. Звук, который был полной противоположностью её внутреннему состоянию.

— А я видела, как ты командуешь, — парировала Эллия, задирая подбородок. — Видела в лагере. Ты не просто строишь. Ты ломаешь, чтобы собрать заново. Так вот, меня уже один раз сломали. Больше не позволю. Мне не нужна твоя кузница. Мне нужен бой. Дай мне врага, а не инструктора!

Уголок рта Яровиля дрогнул — то ли от злости, то ли от неожиданной меткости её выпада. Он сделал еще шаг вперёд, сокращая и без того крошечное расстояние между ними. От него пахло жаром, дымом и чем-то простым, мужским — кожей и потом.

— Именно потому, что тебя сломали, ты и опасна, — его голос упал до опасного шёпота, который было слышно даже сквозь ветер. — Осколки режут больше целого клинка. Ты думаешь, я не вижу, как твой хвост дёргается? Как глаза горят? Вся твоя ярость кричит о себе. Настоящий враг услышит этот крик за милю и ударит именно туда, где ты слаба. А слаба ты

езде, где не контролируешь свой огонь. Порядок и долг — единственное, что сдерживает хаос. И твой внутренний в том числе.

Его слова били точно в цель, и от этого её ярость только росла. Его взгляд, намеренно скользнувший по её плечам, где под тканью угадывались лишь мускулы и шрамы вместо величественного изгиба крыльев, стал последней каплей. Боль от утраты, ярость от беспомощности, унижение от его тона — всё это слилось в единый, белый взрыв внутри. Её зрачки снова вспыхнули алым, заливая зелёное поле алым, опасным блеском.

— Я осталась без крыльев, но не без мозгов и не без силы, Раджар! — прошипела она, и её голос зазвенел, как надтреснутый колокол. — И не без права на собственную волю! Ты думаешь, эта ваша Чёрная мгла страшнее? Она просто ждёт и пожирает. А я... я хочу отомстить! И буду сражаться, с тобой или без тебя!

Она инстинктивно рванулась вперёд, не для удара, а чтобы оттолкнуть его, пройти, вырваться из этой ловушки, показать, что её воля — не пустой звук. Её пальцы, уже горячие от невыпущенной энергии, коснулись его кожаного доспеха.

Это было ошибкой.

Его рука — быстрая, несмотря на размеры, — сомкнулась вокруг её запястья с силой стального капкана. Не больно, а легко и уверенно. Словно сама скала ожила и держала её. Его пальцы были шершавыми, мозолистыми, и их жар прожигал кожу сквозь рукав.

— Вот она, — тихо сказал Яровиль, глядя в её алые глаза. Его собственный взгляд вспыхнул в ответ, в нём заплескались золотые искры. — Твоя сила. Дикая, гордая, слепая. И именно поэтому опасная. Ты хочешь сражаться? Отлично. Докажи, что можешь. Завтра на плацу. Покажешь, на что способна. Но здесь и сейчас — ты подчинённая. Поняла? Айна Миронэ.

Он произнёс её родовое имя не как титул, а как констатацию того, кто она сейчас. Факта её положения. Факта его власти. Эллия пыталась выдернуть руку, но его хватка не ослабевала. Она чувствовала, как по её спине, под тканью, где когда-то крепились могучие перепончатые крылья, начало печь. Пекли старые шрамы — уродливый, болезненный узор, заместивший свободу полёта чёткими, неумолимыми ограничениями. Ограничениями, которые сейчас ощетинились, почуяв чужую, доминирующую силу.

— Я не истеричка, чтобы меня успокаивать! Отпусти!— Отпусти, — её голос прозвучал хрипло, почти как у него, но в нём дрожала не просьба, а приказ. — Успокоишься?

На миг в воздухе запахло озоном. Искры магии Огня, отозвавшиеся на её ярость, заплескались на её свободной руке, готовые вылиться в ослепительную вспышку. Яровиль не отпрянул. Напротив, он наклонился чуть ближе, и его дыхание обожгло её щёку.

— Сделай это, — выдохнул он почти в губы. — Попробуй. Дай мне повод сломать тебя здесь и сейчас и собрать так, как должно. Или докажи, что в тебе есть не только порох, но и кремь. Выбор за тобой, демонесса.

В его глазах она увидела не просто вызов. Увидела азарт. Увидела того самого «огненного психопата», которого так легко ненавидеть, и того самого командира, в чью силу так же легко было... поверить. Противоречие разрывало её на части. Сдавленное рычание вырвалось из её горла, но пламя на руке погасло, втянувшись обратно под кожу, в место, где теперь сосал холодный, бессильный ком.

— Ладно, — неожиданно произнёс он и разжал пальцы, словно просто убрал инструмент с наковальни. — Докажешь завтра. А сейчас — марш в казарму. Тебе выделили помещение. И, Айна Миронэ... — он остановил её уже взглядом, когда она, почёсывая запястье, сделала первый шаг. — Не пытайся спалить что-нибудь по дороге. Мне только и нужен повод, чтобы начать обучение с дисциплинарных мер. А учить тебя придётся. Ты слишком ценна, чтобы просто сгореть.

Он повернулся и ушёл, его могучая фигура растворилась в багровых сумерках, наступавших на Расстожар. Вечернее небо начало освещаться багровым светом Файры — спутника Огня, источника силы его рода.

Эллия стояла, трясясь от ярости и чего-то ещё, похожего на адреналиновую дрожь после схватки, в которой не было победителя. По её запястью, где остались отпечатки его пальцев, медленно расплзлось тепло. Не обжигающее, а... навязчивое, чужое, но уже не кажущееся совершенно враждебным.

«Никто больше не предаст. Никто не поставит под сомнение мою силу», — пронеслось в её голове ключевой фразой. Но сейчас эта фраза билась в стеклянные стены реальности. Он поставил под сомнение. Не её силу, а её умение ею управлять. И, чёрт возьми, он был в чём-то прав.

«Огненный псих», — мысленно выругалась она, и с силой пнула камень у своих ног. Камень, чёрный и пористый, лишь глухо стукнул и покатился в сторону. Но в её груди, рядом с тлеющей яростью, теплилась искра другого чувства — острого, колючего интереса. Он видел в ней не только угрозу. Он видел ценность. И это было новой, непривычной игрой.

Её путь к казарме лежал через тренировочный плац. Даже сейчас, в сумерках, там двигались фигуры — солдаты отрабатывали удары, маги координировали потоки пламени. Всё — чётко, дисциплинированно, сообща. Мир Яровиля Раджара.

А её шатающийся и разрушенный мир был внутри нее. Мир одинокого, яростного, неукрощённого пожара, который только что получил первое предупреждение: гореть можно, но только в общем очаге. Или тебя затушат. Но в этом предупреждении была и обещание: если выдержит очаг, то и пламя станет сильнее.

Она с сознательной, вызывающей ненавистью потянулась и прикоснулась пальцами к шрамам на спине. Ограничения. Они были везде. А самое большое ограничение еще и имело имя. Яровиль Раджар.

Глава 2

Казарма оказалась длинным, низким зданием из пористого чёрного камня, похожего на пемзу. Стены его были тёплыми на ощупь, будто впитывали тепло Файры и теперь медленно отдавали его. Внутри пахло потом, кожей, металлом и дымом — запах мужской, грубый и незнакомый. Десяток пар глаз проводил её до самой дальней койки у стены. Взгляды были разными: любопытными, настороженными, откровенно враждебными. Демонесса в гарнизоне Расстожара была событием из ряда вон. Особенно демонесса без крыльев. Эллия чувствовала, как эти взгляды скользят по её чёрным, острым рожкам на лбу, задерживаются на гибком хвосте, который она инстинктивно прижала к ноге.

Сержант Гарон, коренастый детина с лицом, напоминавшим потрескавшуюся от жара глину, бросил ей свёрток с формой — грубые черные штаны, простая черная рубаха, пояс, сапоги.

— Лорд Раджар приказал. Завтра с утра — на полигон. Проверим, чему вас там учили. А то болтают разное. Посмотрим.

Вечером, лежа на жёсткой койке за ширмой, которую бурча и ругаясь, притащил Гарон, и глядя в потолок, пронизанный трещинами, от которых тянулись причудливые тени, Эллия в сотый раз прокручивала в голове тот эпизод после смерти Тай. Яровиль тогда, в дыму и хаосе, схватил её за руки, когда она, обезумев от ярости и горя, пыталась спалить все вокруг.

— Ты что, с ума сошла? — его рыжие пряди почти касались её лица. — Сдерживай огонь, демонесса! Твой огонь сейчас — как дикий зверь! Ты сожжёшь своих!

— Пусти! — вырывалась она, и в её зелёных глазах полыхнуло алым, заливая радужную оболочку алым блеском ярости. — Он победил! Он ее забрал!

Она говорила о Фелтисере. Он проиграл в битве с Антом, но он все-таки забрал у нее Тай. Превратил её добровольную жертву ради восстановления баланса.

Яровиль не отпустил. Вместо этого он своей силой погасил ее огонь, усмиряя ее боль.

Она тогда чуть не впиалась в него клыками. Он лишь прижал её к себе, успокаивая и удерживая. А в лагере отдал приказ двум другим выжившим девушкам — Кори и Энне — следить за «раскалённой головой». С тех пор они не пересекались. До сегодняшнего дня.

«Сдерживай огонь... — горько усмехнулась она про себя, ворочаясь на жестком матрасе. — Да я тебя самого сдержу, если ты ко мне ещё раз так подойдёшь, рыжий...» Кончик её хвоста с острым, как лезвие, набалдашником глухо стукнул о ножку койки.

Утро началось с рёва боевого горна, звук которого, пронзительный и медный, разорвал предрассветную тишину, когда в небе висел бледный серп Аквада, уступая дорогу расцветающему золоту Суола. Полигон был выжженным пятачком у подножия внешнего кратера. Пахло пеплом и озонём. Земля под ногами была не почвой, а спекшейся, пористой лавой, шершавой и твёрдой. Яровиль уже ждал.

Он стоял, расставив ноги, заложив руки за спину. Сегодня он был без кирасы, только в просторной рубахе из тёмной ткани, подпоясанной широким ремнём. Его рыжие волосы, были ниже плеч, собранные у затылка в небрежный хвост кожаным шнурком. На солнце они горели, как расплавленная медь, и, казалось, светились изнутри, вбирая энергию яркого дня.

— Айна Миронэ, — кивнул он, когда она, скрипя зубами от недовольства и общего напряженного настроения, встала в строй в первом ряду. — Начнем. Базовая концентрация. Без выброса. Цель — ощутить искру, подключиться к Файре через неё, и удержать связь, не выпускающая пламя. Остальным — за сержантом Гароном на полигон.

На нее недовольно с плохо скрываемым интересом покосились, но приказ командира выполнили беспрекословно, оставив демонницу вдвоем с Яровилем. Она фыркнула, но подчинилась. Закрыла глаза, отыскала внутри то горячее, колючее ядро — свою ярость, свою боль.

Собрала его в ладонях. Между её пальцами заплясали маленькие, алые, нервные язычки пламени.

— Слабо, — тут же прозвучал его голос. Она открыла глаза. Он стоял прямо перед ней, изучая её огонь. — Дрожит. Неровный. Ты не направляешь поток, ты просто открыла шлюз. Ты не управляешь им. Ты даёшь ему подпитку из своей злости и наблюдаешь, что выйдет. Так дети учатся ходить.

— Я не ребёнок, — сквозь зубы процедила Эллия, чувствуя, как пламя на её руках вспыхивает ярче от провокации.

— В управлении стихией — именно что ребёнок, — парировал он, не отступая ни на шаг. Его собственные ладони вспыхнули ровным, густо-оранжевым, почти солнечным пламенем. Оно не плясало. Оно горело. Стабильно, мощно, как пламя в топке кузницы. — Видишь разницу? Мой огонь — продолжение воли. Твой — истерика. Эмоции — плохой фитиль, демонесса. Они сгорают первыми, и огонь идёт вразнос.

От этой формулировки её собственное пламя дёрнулось и выросло, шипящим щупальцем рванувшись в его сторону. Яровиль даже не дрогнул, лишь слегка отвёл руку. Алое пламя лизнуло воздух в сантиметре от его кожи и схлынуло.

— И вот он, срыв, — констатировал он с какой-то утомляющей предсказуемостью. — Тебе нужен стержень. Нечто холодное и незыблемое внутри, вокруг чего будет гореть всё остальное. Порядок. Дисциплина. Или, на худой конец, ледяная, выверенная месть. Но не эта кипящая пена.

— И что же это, о великий учитель? — язвительно спросила она, насильно гася пламя. На ладонях остались красные, горячие отметины.

Он посмотрел на неё. Его медные глаза были серьёзны, в них не было насмешки, только усталая решимость.

— У каждого свой. Долг. Принцип. Память. Холодный расчёт. Найди свой. А пока... — Он отступил на шаг и указал на груды чёрных, пористых камней у края полигона. — Цель — тот валун в центре. Не прожги его. Нагрей до свечения. Контролируемо. Постепенно. Дай мне увидеть, как растёт температура. Ровно.

Это была попытка. Она хотела рвать, жечь, взрывать. А тут — эта тонкая, нудная работа. Её первые попытки заканчивались тем, что камень покрывался паутиной трещин с громким щелчком, или на его поверхности вспыхивали ослепительно-белые пятна перегрева, и он крошился.

— Еще! — раздавался его голос, не повышая тона, но звучащий как удар хлыста. — Фитиль, Айн-Миронэ! Ищи свой фитиль! Не толкай силу, веди её!

Её фитилём в тот момент была дикая, неукротимая злоба на него, на этот камень, на весь этот проклятый мир. И это не работало. Пот стекал по её вискам, солёный и едкий. Пробегающие мимо воины насмешливо косились и еле слышно переговаривались между собой. Видимо, злорадствовали и злословили. Это бесило еще больше.

К концу тренировки она была мокрой от пота и измотанной, как после долгого боя. Мускулы дрожали не от физической усталости, а от постоянного, изматывающего сдерживания. Яровиль подошёл к единственному уцелевшему камню, тронул его голой ладонью, не моргнув.

— Сойдет на сегодня, — сказал он без одобрения. Камень тускло светился тёмно-вишневым, как тлеющий уголь. — Для первого раза - достаточно.

Он повернулся, чтобы уйти, но на полпути обернулся.

Она подняла на него взгляд, полный немой, выжженной ненависти. — И, Айн-Миронэ? — Завтра волосы подбери получше. На полигоне — дисциплина, не цирк. И научись контролировать свой... зад с хвостом. Это потенциальное оружие, а не бестолковое опахало.

Он ушёл, оставив её стоять столбом посреди выжженного поля, с тлеющей внутри яростью и странным, неприятным осознанием: этот рыжий тиран, демон его побери, прав. Он видел ее слабые места и проблемы. И постепенно это собирался решать. А еще он видел ее... зад.

«Хорошо, — подумала Эллия, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Играем по твоим правилам, лорд Раджар. Но посмотрим, кто еще что умеет контролировать».

Кончик её хвоста с металлическим набалдашником нервно стукнул по голенищу сапога, издав глухой, угрожающий звон, и на миг глаза снова блеснули тусклым алым отблеском, выдавая её невысказанную ярость.

- Демоны! – покосилась на кончик хвоста Элька, направившись в сторону казарм, собираясь сытно поесть и восстановить силы.

Глава 3

Столовая казармы оказалась огромным, шумным залом с длинными рядами грубых деревянных столов и скамеек. Воздух гудел от голосов, звенел посудой, пах жареным мясом, хлебом и дешёвым элем — простой, сытной едой для тех, кто целый день пахал на плацу или нёс службу на стенах. Когда Эллия переступила порог, волна шума на мгновение схлынула. Десятки глаз — мужских, любопытных, оценивающих, враждебных — уставились на неё. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок, а хвост прижался к ноге, пытаясь стать менее заметным.

Она взяла поднос и двинулась к раздаче, чувствуя на себе каждый взгляд. Очередь перед ней расступилась — не из уважения, а с откровенным нежеланием стоять рядом. На раздаче за столом, заставленным котлами и мисками, копошились несколько молодых помощников-служек. Эллия протянула поднос.

— Давай, демонесса, быстрее, — буркнули сзади, пока ей пихнули кусок запечённой баранины. — Тебя лорд жаловать изволил, а мы тут торчать из-за тебя будем?

Она стиснула зубы, молча забрала поднос и обернулась, чтобы найти свободное место. За столами мест хватало, но на каждой скамье, куда она бросала взгляд, тут же кто-то отодвигался, клал ногу или просто демонстративно отворачивался. В углу за одним из столов сидели те самые воины, что перешёптывались на полигоне. Один из них, широколицый брюнет с насмешливыми глазами, громко сказал:

— Эй, смотрите, кто пришёл пообедать! Интересно, на что она крылья променяла? На двойную порцию?

Хохот прокатился по залу. Жаркая ярость ударила Эллию в голову. Пальцы на подносе побелели. Она ощутила, как под кожей на ладонях вспыхивают крошечные искры, а зелёные глаза начинают наливаться алым. Ещё секунда — и она швырнёт этот поднос вместе с горячим мясом прямо в ухмыляющуюся рожу. Её хвост замер в напряжении, металлический наконечник заострился, готовый к удару.

— Чего разорались, как горные козлы на горячей лаве?! — громовой, хриплый голос прорвался сквозь гул, заставив многих вздрогнуть.

Из-за большого котла у дальней стены, за которой начиналась кухня, вышла гномиха. Крепкая, приземистая, с сильными, короткими руками и широким лицом, изборождённым морщинами, как высушенная глина. Она шла, неспешно переваливаясь, её пронзительные карие глаза под густыми седыми бровями метали молнии. На ней был заляпанный пятнами фартук, а в одной руке она сжимала огромную деревянную ложку, как маршальский жезл.

Эллия замерла. Сердце ёкнуло. Это лицо, этот голос... из прошлого. Из лагеря. Из тех дней, когда за одним столом сидели она, Тай, Бри...

— Ты, — гномиха остановилась перед широколицым воином и ткнула ложкой ему в грудь. — Эрдук, язык за зубы спрячь, а то я его ложкой прибью к твоему же небу и зубы не помогут. У меня на кухне — тишина и порядок. Есть хочешь — жуй. Не хочешь — выметайся на улицу жевать пыль с пеплом. Понял?

Эрдук, который минуту назад был таким бравым, вдруг съёжился и покраснел.

— Да я... Варгра, я просто...

— Проще некуда! — отрезала гномиха. — Затих? Молодец. — Она обвела взглядом зал. Весь шум стих. — Это столовая, а не базарная площадь! Кто хочет обедать в другом месте — может продолжить спорить со мной.

Угроза висела в воздухе, тяжёлая и осязаемая. Никто не сомневался, что Варгра Гаррига своё слово сдержит. Она повернулась к Эллию. Взгляд её стал мягче, в нём исчезла ярость, осталась лишь суровая деловитость.

— А ты чего застыла, как соляной столб? — проворчала она. — Места не видишь? Иди за мной.

Гномиха грузно развернулась и пошла обратно к своей кухне. Эллия, всё ещё сжимая поднос, прошла сквозь молчаливый зал. Варгра указала ложкой на небольшой отдельный столик, приставленный к стене возле входа на кухню — место, явно предназначенное для «своих» или ... для тех, кого не хотели пускать в общий строй.

— Садись тут. Не на приёме у антеллов в парадном зале, чтобы ноги мять, — бросила Варгра, скрываясь за котлом. Через мгновение она вернулась, поставила перед Эллией глиняную кружку с темным, пахнущим хмелем элем и миску с густым, дымящимся мясным рагу, которого на обычной раздаче не было. — Ешь. Вид у тебя, как у выжатого айурского плода.

Эллия осторожно опустилась на стул. Гнев медленно отступал, сменяясь странной, щемящей признательностью и горечью.

— Варгра, — тихо сказала она. — Я... не ожидала тебя здесь встретить.

Гномиха присела на стул по другую сторону стола, устроившись поудобнее. Она вытащила из кармана фартука короткую трубку, набила её тёмной травой и чиркнула серником о подошву сапога.

— А я тебя ожидала, — хрипло сказала она, выпуская струйку едкого дыма. — Как только по гарнизону слух пошёл, что лорд Раджар к себе демоницу взял. Думала, ну, может, другая. Ан нет, нате вам — наша Элька. — Она прищурилась, изучая Эллию. — Видок, конечно. Шрамы от ожогов новые, глаза... те же самые. Только злее. А с хвостом-то что у тебя?

— Это... чтоб не скучно было, — саркастично буркнула Эллия, но невольно потрогала металлический наконечник.

— Остроумно, — фыркнула Варгра. — Ладно. Рада видеть. Эти болваны, — она кивком указала на зал, где шум потихоньку возобновлялся, но уже без прежней агрессии, — будут тебя гонять. Не потому что ты демонесса. А потому что ты новая, да ещё и с норовом. И лорд тобой отдельно занимается. Это зависть, глупость и боязнь всего чужого. Моя кухня — моя территория. Сюда суются только по делу. Так что если что — ты знаешь, где меня искать.

Эллия молча кивнула, чувствуя ком в горле. Это была не сентиментальность. Это было что-то более важное — близкое в чужом, враждебном море. Приznak того, что не весь её прошлый мир утрачен.

— Спасибо, — выдохнула она, отодвигая пустую миску. Рагу было на удивление вкусным, сытным и... знакомым. Таким же, как в лагере.

— Не за что, — отмахнулась гномиха, стряхивая пепел. — Варгра старые долги помнит. Тай и Бри... хорошие айны были. Одной нет, другую по миру где-то носит. А ты тут. Значит, так надо. — Она встала, её колени хрустнули. — А теперь вали отсюда. У меня работа. И запомни: на кухне я хозяйка. Даже лорд Раджар тут не командует. Так что если эти болваны снова начнут — приводи ко мне. Разберёмся.

Эллия встала, взяла поднос.

— Варгра... — она запнулась. — Ты же... не из Расстожара. Как ты здесь оказалась?

Гномиха усмехнулась, обнажив жёлтые, крепкие зубы.

— После того как лагерь тот... разобрали, — она выбрала слово осторожно, — нужно было куда-то деваться. Меня не знали куда деть. А тут, в Расстожаре, в пограничной страже, начальник столовой запил, его и рассчитали. Лорд Яровиль про меня и вспомнил, а я добро дала. Гномов здесь мало, но уважают, мы свое дело знаем. Вот и вся история. А теперь марш. Завтра опять на плацу гореть будешь, сил нужно набирать.

Эллия кивнула и направилась к выходу, к столу для грязной посуды. На неё уже не пялились так откровенно. Разговор с Варгрой, видимо, был замечен и сделал своё дело — теперь она была не просто чужачкой-демонессой, а той, с кем считается суровая гномиха, хозяйка кухни. Это была маленькая победа.

Проходя мимо стола, где сидел Эрдук, она замедлила шаг. Не глядя на него, она позволила кончику хвоста с металлическим набалдашником мягко, но отчётливо звякнуть о железную ножку его стула. Звук был негромким, но очень чётким. Эрдук вздрогнул и невольно отодвинулся.

Эллия вышла во двор, на свежий воздух, уже остывающий после переставшей бушевать Файры. Она сделала глубокий вдох, и на этот раз воздух не показался ей таким враждебным. Была в нём сера, пепел, запах кузниц. И твёрдая, грубая правда гномихи Варгры, которая гласила: выживай. Ешь. Набирайся сил. А там посмотрим.

Она потянулась, чувствуя усталость в мышцах после тренировки и странную лёгкость внутри. Не всё было потеряно. Завтра на полигоне она снова встретится с этим рыжим лордом. И на этот раз она постарается быть готова.

Глава 4

Следующие дни слились в одно монотонное, изматывающее пекло. Полигон, казарма, сытная, но простая еда в столовой Варгры, которая, кажется, единственная в этом аду не смотрела на неё как на диковинку, короткий сон под храп соседок по казарме, снова полигон под багровым светом Файры. Яровиль был неумолим. Его методы напоминали работу кузнеца: закалка, ковка, снова закалка. Он методично ломал её инстинкты, чтобы выстроить что-то новое. Воздух над плацом вечно дрожал от жара, смешивая запах серы с едким озоновым привкусом вырванной магии. Застывшая лава под ногами, казалось, впитывала её неудачные попытки и насмешливо отдавала обратно обжигающим теплом.

— Ты не взрываешь, ты направляешь! — его голос, низкий и хриплый, гремел над рёвом её собственного, вырывающегося из-под контроля пламени, когда она в сотый раз пыталась сформировать ровный, устойчивый огненный клинок. — Концентрация — в линию, в стрелу! Не в шар! Тебя хоть чему-то полезному учили, кроме как быть живой зажигалкой?

— Меня учили выживать! — выкрикнула она в ответ, от злости и усталости, и клинок в её руках расплылся горячей, бесформенной кашей, шипя и превращая песок в стекловидную корку.

— И как, выжила? — резко парировал он, не повышая тона, но его слова резали, как лезвие. Он небрежным жестом указал рукой на её шрамы, на напряжённую линию плеч, где когда-то росли крылья. — Похоже, учили плохо. Здесь учат не выживать. Здесь учат побеждать. А побеждает не тот, кто ярче горит, а тот, кто дольше не гаснет. Повтори.

— Побеждает тот, кто знает, зачем он это делает! — выпалила она, и её зелёные глаза снова вспыхнули алым, но теперь в них был не просто гнев, а вызов. — А ты хочешь сделать из меня послушную свечку, которая будет гореть ровно там, куда ты её поставишь!

— О, я хочу из тебя сделать гораздо больше, чем свечку, демонесса, — его губы дрогнули в чём-то, похожем на усмешку. — Хочу сделать из тебя факел, который осветит дорогу и в бою уничтожит врагов. Но для начала нужно научить этот факел не жечь руки тем, кто его несёт.

Её злость к нему росла, но становилась иной. Острее, холоднее. Она начала замечать мелочи: как он рассчитывал каждое движение, как пламя на его ладонях никогда не дрожало, даже когда он ругался. Его огонь был продолжением его воли. И ему, чёрт возьми, удавалось заставить её думать о своём огне, а не просто изливать его. Но главное — она начала замечать, как его глаза вспыхивают интересом, когда она огрызается. Как будто он ждёт её вспышки, наслаждается ею.

Однажды, после особенно унижительной тренировки, где она вконец обозлилась и случайно сожгла тренировочный манекен дотла, он просто подошёл, махнул рукой, и буйное пламя послушно схлынуло, втянувшись в его ладонь. Он затушил тлеющие остатки подошвой сапога и сказал тихо, так, чтобы слышала только она:

— Ты сражалась раньше, до лагеря. Я вижу по стойке, по тому, как держишь дистанцию даже сейчас. Ты знала клинок или копьё?

Эллия, всё ещё тяжело дыша от злости и стыда за срыв, смерила его взглядом. Её зелёные глаза полыхали, почти срываясь на алый.

— И что?

— Значит, ты должна уметь вкладывать силу в удар. В точку. Твой огонь — это то же самое. Не взмах всей душой. Точечный, быстрый, смертельный удар. Не истерика. Выпад.

— Это ты называешь истерикой? — она сделала шаг к нему, и её чёрный хвост с металлическим кончиком вытянулся, как плеть. — Я просто хочу действовать, а не бесконечно раскалять камни!

— Ты не видишь разницы между мощью и контролем, демонесса, — он парировал, и в его медных глазах мелькнула искра азарта, — Ты случайно взорвёшь и разнесешь в щепки половину казарм.

Это... имело смысл. Проклятый рыжий вдруг заговорил на языке, который она понимала. На языке боя, а не магии.

На следующий день он принёс ей тренировочное копьё с наконечником, обёрнутым промасленной тряпкой.

— Не магией, — приказал он, бросив копьё ей в руки. — Телом. Покажи мне базовые стойки, атаки, защиту. Забудь на минуту, что ты маг. Будь просто воином.

Она взяла копьё. Дерево било по ладоням непривычно, но знакомо. В её мире, до предательства сестры, она действительно училась. Была перспективной воительницей клана Миронэ. Потом... потом была смерть от рук той, кому доверяла, темнота, и пробуждение уже в лагере, в теле айны, с этой новообретённой, дикой магией огня, которую там лишь едва сдерживали и направляли в русло «развития потенциала», но не успели научить по-настоящему владеть.

Она сделала выпад. Чисто, резко, и её хвост инстинктивно вытянулся за спиной для равновесия, сверкнув металлом.

— Ещё, — сказал Яровиль, наблюдая, скрестив руки на груди. Его взгляд был внимательным, оценивающим, без прежней насмешки.

Она прочертила линию защиты, отступила, снова атаковала, вкладывая в движение все накопленное за день напряжение.

— Теперь представь, — спокойно и четко инструктировал он, — что кончик копья — это сгусток твоего пламени. Всё то же самое. Фокусировка. Выпад. Удар. Не раньше и не позже. Не толкай огонь вперёд. Вложи его в остриё и выпусти вместе с ударом.

Это сработало. Не сразу, но сработало. В следующий раз, когда он приказал ей прожечь точку на толстом тренировочном щите, она на миг закрыла глаза, представила копьё, почувствовала знакомый толчок в плече — и тонкий, раскалённый до белизны луч вырвался из её указательного пальца, со свистом разрезав воздух и оставив на закалённом металле аккуратное, дымящееся, сквозное отверстие.

Яровиль молча кивнул, не сказав ни слова похвалы или одобрения. Но в его медных глазах мелькнуло нечто вроде глубокого удовлетворения. Он видел прогресс. Он видел, как его усилия начинают давать плоды. И это злило её ещё больше — потому что значило, что он был прав.

Именно эта едва зародившаяся, зыбкая нить понимания и сделала вечер в караульной будке таким невыносимым.

Её поставили в ночной дозор на восточную стену — скучную, тихую смену, откуда был виден лишь тёмный провал ущелья и, высоко в небе, багровую Файру, подпитывающую своей энергией спящий вулкан. Яровиль, совершая обход, зашёл проверить посты. Он был один. В тесной будке пахло пылью и остывающим камнем.

— Отчёт, — коротко бросил он, остановившись в дверном проёме, его мощная фигура заслонила слабый свет коридорного факела.

— Всё спокойно, лорд Раджар, — отчеканила она, не отрывая взгляда от чёрного квадрата бойницы, глядя в темноту. Её спина была прямой, хвост с мягкой пушистой кисточкой обвит вокруг бедра.

Он вошёл, встал рядом, тоже глядя вдаль. Молчание повисло тяжёлым, неловким полотном, сквозь которое пробивалось лишь их дыхание и далёкий, вечный гул подземного огня.

— Ты сегодня хорошо справилась с ударом, — негромко сказал он наконец. Не «Айн-Миронэ», а «ты». И это прозвучало... непривычно, почти по-человечески, без командных интонаций.

Эллия насторожилась, почувствовав лёгкий укол где-то под рёбрами. Это было ново и потенциально опасно.

— Спасибо, — буркнула она, больше из вежливости, которую вдалбливали ещё с детства. Её пальцы сжали древко алебарды чуть сильнее.

— Не за что. Это был необходимый минимум, — он тут же, будто спохватившись, вернулся к своей роли, но напряжение в воздухе не ушло, а лишь сгустилось. Он повернулся к ней, изучая её профиль в скупом свете далёких факелов на стенах. — Зачем ты здесь, Эллия?

Вопрос застал её врасплох. Он бил прямо в самое слабое место — в её собственную неуверенность в этом выборе. Не «почему тебя прислали», а «зачем ты». Вопрос, на который у неё не было честного ответа даже для самой себя.

— Меня... направили сюда, — соврала она, отводя взгляд, чувствуя, как по её спине, под шрамами, пробегает холодок.

— Неправда, — тихо, но совершенно уверенно сказал Яровиль. — Я видел твоё прошение. Оно было написано твоей рукой. И в нём были слова «прошу направить». А не «согласна быть направленной». Ты сама захотела в Расстожар. В самое пекло. Ко мне. Зная твою... проблему с контролем, это либо безрассудство, либо у тебя есть причина. Какая?

Её сердце бешено заколотилось. Он знал. Чёрт, он всё знал. Горькая ирония судьбы, жгучее, неутолённое желание доказать что-то самой себе и всем, кто считал её сломленной, и один бесячий огненный лорд, который умел управлять огнем — вот и все причины. И это было так глупо, что даже произносить вслух стыдно.

— Может, мне просто нравится смотреть, как ты ломаешь себе голову, пытаешься меня обуздать, — язвительно бросила она, пытаешься отшутиться, но голос выдал её, дрогнув. — Две пороховые бочки в одном складе. Рано или поздно одна взорвётся и облегчит всем жизнь.

Яровиль хмыкнул. Сухо, без смеха.

— Взорваться — легко. Сгореть ярко и быстро. Сложнее — поддерживать управляемое горение. День за днём. Год за годом. Чтобы давать свет и тепло, а не испепелять всё вокруг. — Он говорил не только о магии. Это было слишком личное. Слишком откровенно для него. Для неё.

— Вы о себе, лорд? — рискнула она, глядя на него. Его лицо в полумраке казалось высеченным из тёмного базальта, и только глаза светились приглушённым темным золотом, как тлеющие угли.

— Я о том, что, если бы я хотел просто сгореть, я бы давно это сделал. — Сказал он, и в его голосе прозвучала усталость. — Но есть долг. Который сжигает тебя изнутри медленнее, но вернее, чем любая истерика. И есть воля, которая не даёт этому долгу тебя сжечь дотла. Женщина, не стоит пытаться отрывать от мужских яиц по кусочку из-за чрезмерной гордости. Иногда нужно принять, что есть тот, кто знает путь лучше.

— Женщины, — вспыхнула она, задирая подбородок, чувствуя, как краснеет, — отличаются от мужчины тем, что их шары находятся не ниже, а выше живота! И там они не влияют на ум, интуицию и волю! И хоть я и осталась без крыльев, но не без мозгов, чтобы принимать свои решения!

На его лице в темноте мелькнула быстрая, едва уловимая улыбка. Её вспышка, её готовность к словесным перепалкам — казалось, доставляли ему удовольствие.

— Отличные шары, айна Миронэ, — произнёс он с лёгкой, дразнящей насмешкой, окинув её взглядом. — Жаль, что пока они только мешают тебе видеть дальше собственного... носа.

Они снова замолчали. Эллия чувствовала, как готова взорваться и снова выдать какую-то колкость, но тогда бы он снова оказался прав. Воздух в тесной, каменной будке стал густым, наэлектризованным. Она чувствовала исходящий от него жар. Не магический, а просто телесный, мужественный, смешанный с запахом кожи, металла и горного ветра. И понимала, что он,

наверное, чувствует то же — её демоническую, чуть более высокую, чем у людей, температуру, её собственный, еле сдержанный сейчас, внутренний огонь. Она ненавидела его за этот покой, за эту уверенность, за то, что он видел её насквозь. И в то же время её тянуло к этой силе, как мотылька к пламени.

— Я продолжу обход, — резко сказал Яровиль, разрывая этот странный, тягучий момент. Он сделал шаг к выходу, потом обернулся, и его взгляд в темноте был почти невидим, но она почувствовала его на себе, тяжёлый и оценивающий, скользнувший от её пылающих зеленых глаз до сжатых губ. — И не называй себя пороховой бочкой. Порох — слабое, ненадёжное вещество. Ты... начинаешь походить на хорошую сталь. Её ещё долго и нудно нужно закалять. Но из неё может получиться отличный клинок. И я не намерен останавливаться, пока не добьюсь нужной твёрдости. Сколько бы ты ни искрилась и ни шипела.

И он ушёл, его шаги быстро затихли в каменном коридоре, растворившись в ночной темноте, оставив её одну, с внезапным приступом непонятной дрожи глубоко внутри и новой, ещё более сложной смесью чувств к нему. Злость всё ещё была в ней и питала её упрямство.

«Никто больше не предаст. Никто не поставит под сомнение мою силу» – эхо её кредо звучало глухо, натываясь на его слова о стали и долге. Но теперь её обволакивало что-то ещё. Любопытство? Признание? Опасное, яростное осознание, что он не просто её менял — он принял её вызов. И игра ведётся всерьёз.

Элия выдохнула и снова устала в чёрный квадрат бойницы, сжимая древко алебарды так, что суставы пальцев побелели.

«Клинок, — подумала она с горькой усмешкой. — Отлично. Значит, он кузнец. Посмотрим, не обожжётся или порежется ли он сам, когда будет точить своё новое лезвие».

Кончик её хвоста задергался, нервно смахнув пыль с каменной кладки, и Элька, поморщившись, подхватила хвост рукой и стряхнула воображаемую грязь с пушистой кисточки, которая в этот раз не трансформировалась в опасное лезвие.

Глава 5

Однажды Яровиль заставил её работать в паре с одним из новобранцев — долговязым парнем по имени Борк, который пылал рвением и смотрел на демонессу не как на соратницу, а как на сомнительное пятно на репутации стражи, которому выдали опасное оружие. О взрывоопасности демонессы уже слогали байки.

- Отработка комбинированной атаки, — объявил Яровиль, стоя по стойке смирно, руки за спиной. — Борк — щит и сковывание. Айна Миронэ — точечный прорыв. Цель — пробить защиту того манекена и затушить факел за его спиной одним точным выстрелом, не задев Борка.

Борк, краснея от усердия, так рванул вперёд со своим щитом, что едва не сбил её с ног. Эллия, ругнувшись сквозь зубы, попыталась выстрелить поверх его плеча, но её огонь, уже было собравшийся в тонкую иглу, дрогнул от досады и чиркнул по краю его наплечника, оставив длинную, чёрную, дымящуюся полосу.

— Стоп! — рявкнул Яровиль. Он подошёл, его лицо было каменным. — Борк, ты не таран. Ты — стена, которая даёт возможность ударить. Ты её заслонил, а не открыл. Айна Миронэ, твой огонь — не тряпка, чтобы им размахивать. Ты испугалась, что заденешь Борка?

— Я не испугалась! — выпалила она, и её зелёные глаза метнули алые искры, на миг полностью сменив цвет. — Он встал как чурбан!

— А ты должна была предвидеть, что он перекроет видимость! — парировал Яровиль, его голос загредел на площадке. — У тебя в башке кроме злости должно что-то быть! Стратегия! Расчёт! Мозги, в конце концов, а не просто котел с кипящим самомнением!

— О, как у вас, да?! — выкрикнула она, и плотина прорвалась. Воспоминание нахлынуло, ясное и острое: тренировка, её вспышка ярости и тот маленький, но такой обидный фэйрбол, метко угодивший ему... сзади ниже пояса. — Как тогда, в лагере, когда ты так здорово считал, что я тебе зад подожду?!

На площадке замерли все, даже нагретый воздух перестал колебаться. Борк остолбенел. Несколько тренирующихся неловко продолжили, делая вид, что ничего не слышали. Яровиль не двинулся с места, но его медные глаза сузились.

— В лагере, — произнёс он тихо, но так, что каждый звук резал, как лезвие, — ты была необученным, опасным щенком, который кусал всех подряд и хотел трусливо сбежать. А я был одним из тех, кто пытался вбить в твою пустую башку хоть что-то, кроме истерики. И да, — он шагнул вперёд, и они оказались нос к носу, она чувствовала исходящий от него жар, — Иногда для этого приходилось применять шоковые методы. Вроде того, чтобы заставить держать в руках раскалённый металл, пока не научишься его контролировать. Или метнуть этот металл тебе под нос, чтобы напомнить о последствиях потери контроля.

Он говорил о тех двух клинках. О том, как она, рыча от боли и ярости, удерживала их в ладонях, чувствуя, как жар прожигает кожу. И о том, как потом взял её обожжённые ладони в свои, грубые и сильные, и провёл по ним прохладным, успокаивающим заклятием исцеления — редким и сложным умением для огненного лорда. Его прикосновение было неожиданно бережным.

Это воспоминание ударило сейчас с новой силой. Противоречие между яростным тираном и молчаливым целителем.

— Зато потом ты залечил ожоги, — вырвалось у неё, голос сорвался. — Почему?

На его лице что-то дрогнуло. Что-то спрятанное глубоко.

— Потому что обожжённые ладони не могут держать оружие. А ты, какой бы ни была невыносимой, была... перспективной. — Он отвернулся, снова глядя на замершего Борка. —

И до сих пор ею остаёшься, хоть и упряма, как чёртов мул. Борк, отойди. Сейчас она покажет на мне.

— На... на вас, лорд? — пробормотал новобранец, бледнея.

— На мне, — подтвердил Яровиль, не глядя на Эллию. — Я буду щитом и мишенью. Айна Миронэ, твоя задача — провести сгусток пламени так, чтобы он прошел в сантиметре от моего левого уха и потушил факел за моей спиной. Без колебаний. Без страха меня задеть. Я доверяю твоему контролю ровно настолько, чтобы не свернуть себе шею, уклонившись, если что. Этот огненный псих, как ты меня называешь, ещё не настолько стар, чтобы не увернуться. Приготовиться.

Это был вызов. Чистой воды. Он давал ей шанс доказать, что она не тот «необученный щенок». Что уроки — даже те, жёсткие — пошли впрок. Что она способна на большее, чем просто взрываться.

Эллия сглотнула ком в горле. Всю ярость, всё смущение, все призраки из прошлого она собрала в плотный, тяжёлый шар в груди. Не отпустила его. Сделала своим «фитилём», как он и говорил. Холодным, твёрдым стержнем ярости. «Никто не поставит под сомнение мою силу» — снова пронеслось в голове.

Она подняла руку. Яровиль встал к ней боком, демонстративно не глядя на нее.

Она выдохнула. И выпустила не луч, а тончайшую, раскалённую до синевы иглу. Она просвистела в воздухе с тихим, зловещим шипением, оставив за собой мимолётный след искажённого, дрожащего воздуха.

Яровиль даже не дрогнул. Игла прошла в сантиметре от его виска, взметнув пару рыжих волос. Через мгновение за его спиной с шипением погас факел.

Тишина. Потом лёгкий, одобрительный хриплый выдох Яровиля.

— Вот. Видишь, Борк? Это называется контроль и доверие напарнику. Иди, отрабатывай с Гароном. Всем продолжить тренировку! Айна Миронэ, со мной.

На площадке новобранцы зашумели, стараясь не разгневать своего командира. Они по достоинству оценили методы воспитания Огненного Лорда и старались не нарываться на личную тренировку.

Когда Эллия с Яровилем отошли в сторону, к груде чёрных, пористых валунов, оставшихся от древнего извержения, он сказал, не глядя на неё:

— Это было хорошо.

— Я не хотела тебя... вас задеть, — сказала она, отчаянно краснея.

— Знаю, — коротко бросил он. Потом, после паузы, когда крики тренирующихся снова заполнили воздух: — Тот фэйрбол в лагере... был метким.

Она не ожидала этого. Посмотрела на него. Уголок его губ чуть дёрнулся. Почти неуловимо.

— Спасибо, — пробормотала она, сбитая с толку.

— Не за что. Я тогда ночь спокойно спать не мог, — он уже говорил сухо, но без прежней ледяной строгости. — Так что в следующий раз, если захочешь отомстить, целься выше. В самолюбие. Оно уязвимее. И, демонесса... это был хороший выстрел. Тогда и сейчас.

И он пошёл обратно к группе, его широкие плечи отбрасывали длинную тень в свете яркого Суола, оставив её стоять с чувством, будто она только что прошла через огненный вихрь, но не сгорела, а вышла с другой стороны, чуть более... цельной. Её хвост, обычно нервно подрагивающий, теперь висел спокойно, лишь кончик с пушистой кисточкой слегка шевелился, будто прислушиваясь к удаляющимся шагам командира.

И впервые за долгое время что-то кроме ненависти и злобы зашевелилось в ней по отношению к Яровиллю Раджару. Что-то вроде странного, колючего товарищества. Опального, как раскалённый уголь, который нельзя ни взять в руку, ни выбросить прочь. Опасного, как сам

этот мир, где баланс стихий был столь хрупок, а их личные огни так легко могли выжечь всё дотла, включая самих себя.

Позже, сидя в столовой, она заметила, что атмосфера была уже не столь напряжённой. После демонстрации на полигоне, пусть и не преднамеренной, к Эллиии стали относиться с чуть большим, пусть и неохотным, уважением. Не как к своей, но уже и не как к чужачке, которой вот-вот покажут на дверь. Она спокойно взяла поднос и встала в общую очередь. Никто не расступился, но и косых взглядов было меньше.

За своим привычным столиком у кухни она обнаружила неожиданную картину. Сержант Гарон, чье лицо, похожее на потрескавшуюся глину, было недовольно насуплено, сидел, склонившись над миской рагу, но явно был здесь не только ради еды. Напротив него, облокотившись на стол и вытянув короткие, крепкие ноги, восседала Варгра. Она что-то чистила большим ножом, не глядя на сержанта.

— ...и говорю же, старуха, порция маловата! — бухтел Гарон, тыкая ложкой в миску. — Мужикам после плаца силы восстанавливать надо! А на твоих похлёбках из трав да костей сильно не разеешься!

— А я говорю, старый сухарь, — отозвалась Варгра, не поднимая глаз от работы, — что, если у тебя пузо от эля разнесло, так это не моя кухня виновата. Порция по норме. Не нравится — иди жевать уголь в кузнице. Там и жарко, и наешься досыта.

— Уголь! — фыркнул Гарон, но в его грубом голосе послышались странные нотки — не злости, а скорее привычного, почти ритуального ворчания. — У тебя, карлица, весь характер как уголь — колкий и чёрный. И где это ты такие слова учила? В гномьих пещерах ругаться мастерству обучают?

— Ага, между делом, пока вас, солдафонов, ровным строем маршировать учат, — парировала Варгра, наконец подняв на него взгляд. Её карие глаза сверкнули. — Ты хоть раз в жизни что-то вкуснее жареной крысы ел? А то, судя по твоим понятиям о еде, сомневаюсь.

Гарон что-то пробормотал себе под нос, но к миске потянулся снова, зачерпнул полную ложку. Казалось, этот спор их обоих даже забавлял.

Эллиия села поодаль, стараясь не привлекать внимания. Она наблюдала за ними украдкой. Их перепалка больше была похожа на давнюю, привычную игру, грубую и прямолинейную, как и они сами. Сержант задержался здесь явно не из-за порции. Он пришёл поспорить. Потому что, видимо, ему стало интересно, что эта упрямая гномиха ответит в следующий раз. Два старых, крепких дуба нашли достойного противника для своих острых языков.

— Чего уставилась, демонесса? — неожиданно рявкнул Гарон, заметив её взгляд. — Тоже порцией обделили?

— Не переживай, сержант, — спокойно отозвалась Эллиия, отламывая кусок хлеба. — Моя порция меня устраивает. А вот твоя, я смотрю, не очень. Может, Варгра права насчёт угля?

Гарон фыркнул, но уголки его глаз слегка смягчились. Варгра бросила на Эллиию быстрый, одобрительный взгляд и снова принялась чистить свои овощи.

— Вот видишь, — сказала гномиха сержанту, — даже молодёжь умнее тебя. Жуй и не выделяйся. Завтра с утра опять орать на плацу будешь, так что силы береги.

Гарон что-то проворчал в ответ, но больше не спорил. Он доел рагу, шумно отодвинул от себя пустую миску и, тяжело поднимаясь, кивнул Варгре.

— Ладно, карлица. До завтра. И смотри, чтобы завтра в похлёбке мясо было, а не одни намёки на него.

— Увидишь завтра, облупившаяся черепушка. А теперь проваливай, мне работать надо.

Сержант ушёл, выпрямив все еще крепкую спину, с трудом скрывая довольный вид. Варгра проводила его взглядом, потом кряхтя принялась собирать посуду.

Глава 6

Тревога пробила ночную тишину Расстожара настойчивым, тревожным огромного колокола из вулканического стекла, чей звук разливался холодной, зловещей волной, заставлявшей вздрагивать всех.

Элия вскочила с койки ещё до того, как сержант Гарон ворвался в казарму с криком: «Подъём! Сбор у главных ворот! Шахта «Глубокое Жало»!»

Шахта «Глубокое Жало» была старой, почти заброшенной выработкой у самого подножия Файржара. Говорили, что её пробили ещё в эпоху первых огненных лордов, а потом запечатали, столкнувшись с чем-то «странным». И вот теперь, спустя века, группа старателей-одиночек, махнув рукой на предупреждения, пробралась туда в поисках легендарных самородков «огненного золота». Слух об их исчезновении пришёл ещё накануне, но звон колокола означал лишь одно: нашли нечто, требующее личного присутствия лорда.

Элия взволнованно осматривалась в незнакомом месте, оглушенная, как и все, тишиной. Ни стонов, ни криков о помощи. Воздух пах медью, железом и сладковатой, тошнотворной гнилью.

Первые два тела лежали прямо на пороге. У одного в руке зажат обломок кирки, торчащий из глазницы другого. У второго — пальцы вцепились в горло первого так, что их пришлось отдира́ть силой. Лица обоих застыли в гримасе животного, параноидального ужаса.

— Светлая Файра... — пробормотал кто-то из бойцов сзади.

Яровиль, не говоря ни слова, жестом приказал оцепить место. Он с сосредоточенным видом вошёл в штольню, и Элия, по его короткому кивку, последовала за ним. Её чёрный хвост нервно подергивался, а кисточка на конце заострилась, сверкнув в предрассветных сумерках холодным металлом.

Внутри было хуже. Ещё несколько тел. Все — следы жестокой, близкой схватки. Они убивали не грабителей или чудовищ. Они убивали своих напарников, друзей, братьев. Стены были исчерчены ударами кирок и ножей. В воздухе витал тот же сладковатый запах, но к нему примешивалось что-то ещё — едва уловимая горечь, от которой першило в горле и слезились глаза.

В самом конце низкого зала, освещённого дрожащим светом их светильников, было последнее тело. Старатель, седой, коренастый карлик. Он сидел, прислонившись к стене, и в его окаменевших пальцах, прижатых к груди, сверкал какой-то предмет.

Яровиль осторожно присел на корточки. Карлик был мёртв. Его было пустым. Совершенно пустым, будто из него вынули всё содержимое, оставив лишь восковую маску. А в его руках...

Это был кинжал. Небольшой, изящный. Сделанный из цельного куска золота странного, матового оттенка. На его рукояти не было ни драгоценных камней, ни сложных узоров — лишь потускневшие от времени следы клиноподобных письмен, которые никто в отряде не смог прочитать.

— Не трогай его, — резко сказала Элия. Голос от напряжения прозвучал хрипло.

Яровиль взглянул на неё через плечо.

— Почему?

Она не могла объяснить. Но её демонические инстинкты сейчас просто вопили про опасность. Кинжал был... нездешним. Он не был злым в привычном смысле. Он был голодным по чему-то, чего в этом мире уже не должно было быть. И тот горький привкус в воздухе — он исходил не от тел. Он исходил от него.

— Просто не трогай, — повторила она, сжимая свой хвост так, что металлический наколонец врезался в ладонь.

Но Яровиль уже протянул руку, чтобы поддеть клинок снизу, чтобы осмотреть. Его палец едва коснулся золота.

И всё изменилось.

Тот горький привкус ударил в нос, как физическая волна. Эллия почувствовала, как по её спине, по старым шрамам, пробежал ледяной холод. Перед глазами встало видение.

Мгновенный, разорванный образ: огромное, пустое пространство, залитое тусклым светом. И в центре — два женских силуэта. Одна за спиной другой. Та, что сзади – более крупная, черная, расплывающаяся фигура с огромными крыльями, которые растворялись по краям во мраке. Вторая – юная, хрупкая, более материальная, в черном балахоне и плаще, накинутом на седые волосы. Её глаза были закрыты, а из сложенных на груди рук струился и уходил в пустоту черный дым. И в этой черной пустоте раздавался тихий зловещий шепот. Крылатая удерживала ту, что в плаще, за плечи, впиваясь когтями ей в плоть, словно не давала упасть. А вокруг стояли черные безмолвные фигуры желтоглазых стражников.

- Выпусти, - раздался то ли шепот, то ли шипение, заставивший Эллию вздрогнуть.

Яровиль отдернул руку, словно обжегся. Он ничего не видел и не слышал, но он почувствовал внезапную, пронизывающую до костей усталость. Желание всё бросить и просто забыть. И пустоту.

— Что за дрянь... — прошелестел он, впервые за всё время выглядев по-настоящему потрясённым. Его широкие плечи словно ссутулились под невидимой тяжестью.

— Это не дрянь, — тихо сказала Эллия, не сводя глаз с кинжала. Её демоническая сущность узнала родную, хоть и извращённую, ноту. Ноту тёмной демонической магии. — Это печать. Или ключ. И он частично активирован.

Яровиль медленно выдохнул, овладев собой. Он собственноручно обернул кинжал в несколько слоёв плотного, покрытого защитными рунами полотна, не прикасаясь к металлу, и спрятал его в шкатулке из гномьего серебра, запечатав своей магией. Тела приказал убрать для последующего расследования.

На выходе из штольни, под небом, где золотой Суол и серебряный Айур плыли, не подозревая о произошедшем под землёй, он остановился рядом с ней.

— Ты что-то увидела. Там, внутри.

— Да.

— Что именно?

Она посмотрела на шкатулку, который нёс один из бойцов.

— Двое женщин. Праматерь и еще кто-то. Тилли ищет выход, ее войско все еще с ней.

Яровиль смотрел на неё долго. Потом кивнул, и в его глазах, обычно полных огня, отразилась та самая холодная усталость, которой коснулся артефакт.

— Лагерь «Глубокое Жало» запечатать. Никого не пускать. А этот... предмет, — он кивнул на шкатулку, — отвезти в крепость. Спустить в гномьи подвалы. И послать гонца к Драшману. Передать ему, что мы, кажется, нашли одну из реликвий первых дней.

Возвращались молча. Эллия шла, чувствуя, как шрамы между лопатками ноют тупой, настойчивой болью, будто почували приближение того, что их нанесло. Или того, что могло нанести снова. Желтоглазые... Как же она их ненавидела. Жертва Тай не уничтожила Праматерь и ее черное войско. А значит мир может подвергнуться очередной опасности в любой момент. И снова кто-то погибнет.

Вернувшись в цитадель, отряд был распущен. Но напряжение не спадало. Эллия направилась в столовую. Что-то простое и понятное, вроде хлеба и громкого ворчания Варгры, должно было согреть изнутри после видений и воспоминаний.

В столовой царила непривычная для этого времени суток тишина. Лишь у дальнего стола, рядом с кухней, сидел сержант Гарон. Перед ним стояла пустая кружка, а сам он что-то недо-

вольно бубнил. Варгра стояла за стойкой, вытирая блестящую медную миску тряпкой с таким видом, будто полировала доспехи перед парадом.

— ...значит, так и будем на пустом бульончике сидеть? — доносился ворчливый голос Гарона. — После такого выезда мужикам нужно мясо, а не твои диетические отвары, карлица!

— А я тебе что, мамка, чтоб за твоим брюхом следить, оплывший огарок? — не оборачиваясь, огрызнулась Варгра. — Перекусить дала. Не нравится — жди ужина. А пока — свободен. Или у тебя, чугунная башка, дыра в распорядке нашлась?

Гарон фыркнул, но не уходил. Он pokrutil пустую кружку в руках, его потрескавшееся, как старый черепок, лицо было задумчивым.

— Ладно, ладно, не кипятись, — пробурчал он наконец. — Просто... дело там, на шахте, нехорошее. Мутит. А от твоего варева хоть в животе тепло. — Он произнёс это как странное, грубое признание.

Варгра на мгновение замерла, потом бросила на него быстрый, оценивающий взгляд.

— Знаю, что нехорошее. По звону слышно было. — Она положила миску, подошла к котлу и налила в его кружку густого, дымящегося бульона, пахнувшего мясом и кореньями. — На, старый сухарь. Только не разлей, а то потом полдня мыть придётся.

Она поставила кружку перед ним с таким стуком, что бульон чуть не расплескался. Гарон кивнул, не глядя, и потянулся за ложкой. Между ними повисло молчание двух старых солдат, которые понимали, что иногда после тяжёлого дня важно просто посидеть в тишине и выпить чего-то горячего, даже если при этом нужно продолжать огрызаться.

Элия, задумавшись, наблюдала эту сцену. Ледяной ком внутри понемногу таял, сменяясь странным, тёплым чувством. Она развернулась и тихо вышла, оставив странных ворчунов вдвоем.

Глава 7

Золотой кинжал поместили в гномий подвал — комнату, стены которой были покрыты рунами огня и гасили любое проявление магии. Но даже сквозь них, как уверяли охранники, порой пробивалось какое-то зло. Яровиль провёл там несколько часов, изучая клинок через защитное поле.

— Драшман ответил, — поделился он с Эллией, вызвав её в свой кабинет.

Ничего лишнего в комнате: карты на стенах, грубая мебель, вечно горящий в углу очаг, чьё пламя сегодня казалось приглушённым, почти робким.

— Он подтверждает. Предмет уникальный. Он советует не уничтожать, а изучать, ибо уничтожение печати может высвободить то, что ею запечатано.

— Тилли, — прошептала Эллия. Имя Праматери Чёрной мглы обожгло её язык, как яд, и её зелёные глаза на миг вспыхнули алым от инстинктивной ненависти.

Яровиль взглянул на неё. Он знал её историю. В лагере было сложно что-то скрыть.

— Её слуги. «Желтоглазые». Они могут быть рядом. Артефакт — как маяк. Или приманка. И мы на нее попались.

Он был прав. В последующие дни по Расстожару поползли слухи. О «золотой лихорадке», охватившей шахтёров. О «проклятии жадности», настигшем нечестивцев. И о том, что старые боги, пробудившись, могут даровать несметные богатства... или сводить с ума. Идеальная почва для культа.

И культ не заставил себя долго ждать. Сперва это были знаки на стенах дальних складов: примитивные символы, похожие на крылья или на черные капли слез. Потом пропали несколько человек из простого сословия- извозчики, трактирная обслуга. Тех, на кого мало кто обращал внимание. Пропали бесследно, будто растворились.

Яровиль действовал. Были усилены патрули. Десятки возможных свидетелей были опрошены. Но враг словно растворился в самом городе, в его страхах и суевериях.

Именно для борьбы с этими страхами и был воскрешен «Пир Огня» — древний ритуал Расстожара. Публичное, громкое, пламенное утверждение власти стихии Огня над тьмой и хаосом. Праздник жизни перед лицом возможной смерти.

И накануне пира Эллия и Яровиль схлестнулись в кабинете не на шутку. Повод был пустяковым — её отказ от дополнительной отработки «скучных» защитных рун. Но за этим пустяком выплеснулась вся накопленная усталость, страх перед непонятной угрозой и то самое глухое, взаимное раздражение, что давно переросло в нечто большее.

— Я не буду тратить время на эту ерунду, пока по городу рыщут те, кто рисует знаки в честь Черной Повелительницы! — выкрикнула она, ткнув пальцем в сторону окна, за которым клубилась вечная дымка.

— Ты будешь делать то, что приказано! — рявкнул Яровиль, ударив кулаком по столу. Бумаги на столе подпрыгнули. — Твоя проблема, демонесса, в том, что ты до сих пор не поняла: дисциплина — это не цепь. Это доспех. И без него первый же «желтоглазый» проткнёт тебя насквозь, пока ты будешь метать свои красивые, но бесполезные файерболы!

— Мои файерболы могут поджечь чью-то задницу! — парировала она, задирая подбородок.

— А мои «скучные» руны спасли жизни десяткам таких же упрямых ослов, как ты! — Его медные глаза пылали. Они стояли друг напротив друга, разделенные лишь шириной стола, и воздух между ними трещал от произвольно вырвавшихся искр магии. — Кончай спор. Завтра на пиру ты будешь в оцеплении. Потом, если выдержишь хотя бы это испытание, мы вернёмся к обсуждению твоего учебного плана. Всё. Свободна.

Она вышла, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась каменная крошка. Всю оставшуюся половину дня она кипела от ярости, а он — вспыхивал от малейшего нарушения в своём кабинете, распуская подчинённых.

В крепости вовсю шли приготовления к ритуалу. В главном зале, под сводами из чёрного базальта, устанавливали гигантскую чашу для «Очищающего пламени». Резали скот, который потом будут жарить на открытых углях. Горели тысячи факелов. Море эля и более крепких напитков. Воздух пропитался дымом, запахом специй и тревожным, лихорадочным возбуждением, за которым витала тень недавнего ужаса из шахты.

Эллию, как и других новичков, поставили в оцепление по периметру площади перед цитаделью, куда стекался народ. Стоять, смотреть, быть символом мощи гарнизона. Она ненавидела эту роль — выставочного экспоната. Её острые рожки, обычно гордо венчавшие лоб, сейчас казались ей уязвимыми мишенями. Хвост нервно бил по голенищу сапога, и металлическая кисточка звенела при каждом движении. Всё её существо рвалось к действию, а не к этому показному дежурству.

Пир начался. Рёв толпы, барабанный бой, жрецы Огня, читающие древние кличи. Воздух стал густым от жары тел, запаха жареного мяса, дыма и хмеля. Яровиль, как лорд, был в центре всего. Он казался высеченным из базальта — непоколебимым, сильным. Но те, кто знал его близко, могли заметить тень усталости в уголках глаз и слишком резкие движения. Сегодня он много пил. «Огненную кровь» и крепкий эль, принимая тосты от старейшин, военачальников, магов. Каждый тост был глотком долга, глотком тяжёлой необходимости. Он поднёс факел к гигантской чаше, и в небо взметнулся столб чистого, белого пламени. Толпа взревела в экстазе. Энергия Файры, красного спутника, будто ответила на призыв, и ночное небо над крепостью окрасилось в более глубокий, багровый оттенок.

Эллия наблюдала, чувствуя себя чужой в этом огненном хаосе. Её раздражали пьяные лица и громкие крики.

К ней подошёл молодой, суетливый служка с худым, незапоминающимся лицом — таких в цитадели сегодня было полно.

— Госпожа айна, — проговорил он, почтительно кланяясь. — Лорд Яровиль просит вас проследовать внутрь. Для получения благодарности за помощь в шахте. Жрецы и старейшины также желают вас видеть.

Это звучало как приказ, замаскированный под просьбу. Элька недовольно скривилась, но отказаться значило проявить неуважение не только к Яровиллю, но и ко всей верхушке Расстожара. И она, всё ещё злая на него, хотела посмотреть, что же это за «благодарность» такая. Демоница кивнула и направилась внутрь, не заметив, как взгляд служки за её спиной стал вдруг холодным и пустым.

Внутри цитадели, в одном из боковых залов для гостей и младших офицеров, было не так шумно, но выпивали тут не меньше. Столы ломились от бутылей с элем и кувшинов с «Огненной кровью». И был ещё один напиток — в отдельном, красивом кувшине из синего стекла. «Жар Сердца» — ритуальный напиток для особых гостей и отличившихся воинов. Говорили, его готовят жрицы, и он даёт бодрость, ясность ума и разжигает внутренний огонь, делая его ярче и горячее.

Жрецов и старейшин на месте не оказалось. Вместо них к Эллию сразу же подскочил другой служка — также новый, улыбчивый, с глазами, бегающими по сторонам. Он держал в руках резной деревянный кубок.

— Уважаемая айна! Примите в знак благодарности, — он протянул ей один кубок, доверху наполненный жидкостью из синего кувшина. — От лорда Яровиля и всего совета старейшин. Вам следует выпить здесь, дабы все видели. А лорду уже поднесли его кубок в главном зале. Он пьёт за вас.

Она взяла кубок. Взглянула через головы и действительно увидела Яровиля в другом конце зала. Он стоял в окружении людей, и в его руке был такой же деревянный кубок. Какой-то седой жрец что-то говорил, поднимая свой бокал. Яровиль, его лицо было напряжённым от усталости и выпитого, внимательно посмотрел на содержимое, потом, едва заметно нахмурился. Но жрец что-то настойчиво произнёс, указывая на других старейшин, которые поднимали кубки в его сторону. Ритуал. Публичный жест. Снова нельзя отказать. Сжав челюсти, Яровиль коротко кивнул и выпил залпом, одним решительным движением, будто глотая неприятное лекарство. Он отставил кубок и ответил на очередное приветствие из топы полупьяных гостей.

Эллию недовольно фыркнула и поднесла кубок к губам, сделав глоток, потом ещё. Напиток согрел горло мягким, обволакивающим теплом. Мир стал чуть ярче, звуки — отчётливее. Пока — лишь приятная волна расслабления, смывающая кромку ярости. Она поставила кубок, ожидая какого-то продолжения церемонии, но служба уже исчез, растворившись в толпе, как и первый. Смутное беспокойство зашевелилось где-то внутри, словно она что-то упустила из вида.

И в этот момент глухой удар, похожий на падение чего-то тяжёлого, прокатился из глубины цитадели, заглушив на миг гул пира. Потом — крик, уже не праздничный, а тревожный.

Яровиль, как и все, вздрогнул, но его реакция была мгновенной. Командир в нём мгновенно взял верх, вытесняя хмель. Он резко двинулся к внутренним дверям, отдавая на ходу приказы страже: «Осмотреть! Доложить!». Его фигура, высокая и мощная, быстро скрылась в проходе.

Любопытство, чувство долга и странное, томное тепло, разливающееся по жилам, понесли Эллию следом. Диверсия? Возможно, учитывая внезапное формирование культа. Она проскользнула за ним, держась на почтительной дистанции.

Шум вёл в нижние ярусы, в старую оружейную, где хранились запасные доспехи и тренировочное оружие. Дверь была распахнута. Внутри царил хаос: с верхней балки, подточенной, видимо, временем, рухнула целая стойка с древковым оружием и несколько тяжёлых нагрудников. Пыль стояла столбом. Два молодых солдата растерянно переминались на месте.

— Отбой тревоги, — прохрипел Яровиль, окидывая помещение острым взглядом. Его голос был хриплым, и Эллию показалось, что он говорит чуть медленнее обычного. — Балку не проверяли сто лет. Вон отсюда, приведите уборщиков и плотников.

Солдаты, радостно салютуя, бросились исполнять. В пыльном полумраке остались только они.

Глава 8

Он обернулся, и его взгляд упал на неё, застывшую в дверях. — Айна Миронэ? Что ты тут делаешь? — его голос прозвучал резко, но в нём сквозил не гнев, а странная, нарастающая напряжённость.

— Я... подумала, может, помощь нужна, — смущённо пробормотала она, делая шаг внутрь. И в этот момент глубокая волна подлитого в вино зелья ударила её в живот сладкой, томной тяжестью. Земля под ногами слегка поплыла. Она сделала ещё шаг, направляясь к завалу и её взгляд упал на массивный стальной нагрудник, перегородивший узкий проход между стеллажами.

— Не надо, — резко сказал он, но было поздно. Она уже наклонилась, ухватившись за холодный край металла. И в этот момент еще одна сладкая волна накрыла ее тело, заставляя резко вдохнуть воздух и схватиться за стеллаж, расставив для равновесия ноги.

Поза была неумышленно откровенной. Она потянулась, спина выгнулась, обтянутая тонкой тканью туники, и чёрные штаны туго облепили округлые, соблазнительные бёдра. Она упрямо тянула доспех, тяжело дыша, под кожей играли мышцы, а Яровиль... замер.

Его взгляд, тяжёлый и внимательный, скользнул по линии её позвоночника, задержался на талии, опустился ниже. В оружейной стало тихо настолько, что слышно было, как он сглотнул. Воздух сгустился, стал обжигающе тёплым, несмотря на холод камня.

Элия почувствовала этот взгляд на своей коже, как физическое прикосновение и повернула голову в его сторону. Жар внутри ответил мгновенной, влажной пульсацией. Она резко выпрямилась, бросив нагрудник с глухим лязгом, и обернулась.

Они стояли в трёх шагах друг от друга. Его лицо было бледным от нечеловеческого усилия. Капли пота выступили на висках. В его глазах бушевала война: холодный огонь рассудка против тёмного, всеокрушающего пламени, которое поднималось из самых глубин, разожжённого зельем и её близостью.

— Уходи... — прошипел он, но это звучало как мольба. Он сжал кулаки, сухожилия на руках натянулись, как тетива. — Пока... не поздно.

— Ты пьян, Раджар, — процедила она, сама чувствуя, как пол уходит из-под ног, а в висках стучит горячая кровь.

Он сделал шаг вперёд, неуверенно, будто земля колебалась и под ним.

— А ты — дерзка, как всегда, — его голос звучал глухо, сдавленно. От него исходил жар, как от раскалённой печи.

— А что, не нравится? — она оскалилась, не отступая, наоборот, делая ему шаг навстречу. Расстояние между ними сократилось до опаляющего. Их тела почти соприкоснулись. Её зелёные глаза, уже налитые алым, сверлили его.

Он схватил её за запястье. Не больно, но твёрдо, и его пальцы, горячие и шершавые, будто прикипели к её коже. Он шатнулся, едва удержав равновесие.

— Не беси меня, демонесса... — выдохнул он, и в его голосе была уже не команда, а хрипая мольба.

— А что я делаю? — её шёпот был горячим и вызывающим. — Просто стою. Это ты не можешь... устоять.

Этот вызов, эта открытая, вызывающая уязвимость в её глазах стали последней чертой. Контроль треснул.

— Демоница... — вырвалось у него, и это была уже не ругательство, а капитуляция.

Он резко рванул её к себе. Настойчиво, с той неотвратимой силой, что сносит преграды. Прижал её к холодному стеллажу, и его тело, горячее, твёрдое, напряжённое от нахлынувшего

безумного желания, вдавилось в её. Она вздохнула, от наслаждения — такого острого, что потемнело в глазах.

— Хочу тебя, — прошептал он ей в губы, и его дыхание пахло дымом, хмелем и запретным, пьянящим желанием.

— Ненавижу тебя... — выдохнула она ему в губы между первым, яростным, исследующим поцелуем, но в этих словах не было ни капли правды, только дикая, всепоглощающая потребность.

— Знаю... — прошелестел он в ответ, его губы соскользнули с её рта на шею, к месту, где яростно пульсировала демоническая кровь. — Замолчи...

И разум отступил, сдавшись под натиском плоти.

Её руки поднялись и вцепились в его рыжие волосы, притягивая его лицо к своему. Это был инстинкт. Потребность стереть эту мучительную дистанцию, слиться, потушить огонь, что пожирал их изнутри.

Его руки скользнули под её тунику, ладони, шершавые и горячие, прикоснулись к её коже. Она вздрогнула от наслаждения, такого острого, что потемнело в глазах. Её собственные пальцы рвали застёжки его камзола, желая ощутить биение его сердца под своими ладонями.

Он боролся до последнего. Даже целуя её, даже чувствуя, как её тело аркой выгибается навстречу, в нём тлели последние угольки сопротивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.